

Юрий Коваль родился в Москве в 1938 году. Окончил филологический факультет Московского педагогического института, имеет также диплом учителя рисования. Художник, поэт. Но больше известен как детский писатель (повести «Недопесок», «Пять похищенных монахов», «Приключения Васи Куролесова», «Полынные сказки», «Алый», «Чистый Дор» и другие шедевры детской литературы). В этом году выпустил книжку повестей и рассказов «Опасайтесь лысых и усатых», куда вошли, в частности, его воспоминания о Борисе Шергине, Корнее Чуковском и Соколове-Микитове, а также фрагменты Суер-Вьера, грандиозного романа-путешествия, главы из которого «Огонек» печатает уже второй год, а «Столица» — первый.

**Иван Грозный
убивает своего сына**

- Отец! Что с вами?!
- На колени!
- За что? Ну ладно. Вот... стою.
- Подле!
- За что такие пени?!
- Ты обесчестил честь мою!
- Отец! Не надо жезла трогать.
- Не троньте жезл, пускай стоит.
- Зачем вам жезл, вель даже ноготь Десницы царской устранил.
- Как нынче грозны ваши очи!
- Слепит сиянье царских глаз!
- Оставьте жезл, отец!
- Короч!
- Меня ты предал!
- Предал? Аз?!
- Ты продал душу супостату,
- Стал отвратительным козлом!
- Оставьте жезл! Прошу вас, тату!
- Отец! Не балуйте жезлом!
- Ты без ножа меня зарезал!
- Засранец!
- Батя! Бросьте жезл!
- Не брошу! Понял?
- Батя, бросьте!
- Ты строил козни мне назло!
- Отец... неловко... в доме — гости.
- Засранец!
- Батя!
- Брось жезло!...
- 1967 г.

Остров неподдельного счастья

Фрагмент из романа «Суер-Вьер»

Могучий клич «Пора на воблу!» поддержали и другие голые люди этого острова.

— И на пиво! — добавляли некоторые другие раздетые.

Хренов и Семенов, сверкающие задницами на берегу, чрезвычайно обрадовались, услышавшие такое лобавление.

— Пора на воблу и на пиво! — восторжались они.

— Кажется, они продали нас, — сказал Пахомыч. — За воблу.

— И за пиво, — добавил Кацман.

Мы подплыли ближе и увидели, что все голые люди, а с ними и наши орлы подоставали откуда-то кружки с пивом.

Какой-то Хренов, кажется, не наш, высочил на берег, обещанный гирияндами воблы. Эти гириянды болтались на нем, как ожерелья на туземных таитянках. Он раздавал всем по вобле на брата, а остальные приплясывали вокруг него и кричали:

— Вобла оттягивает!

Наши Хренов с Семеновым, отплясав свое, костями воблы уже кидались в океан и носом сдували пену из пивных кружек.

— Оттягивает! Оттягивает! — ворковали они.

— Неужели это так? — говорил Суер. — Неужели стоит только раздеться и тебе выдают пиво и воблу? Ни в одной стране мира я не встречал такого обычая. Иногда я задумываюсь, а не пора ли и мне на воблу?

— И на пиво, сэр, — пискнул Кацман.

Мы оглянулись и увидели, что дощман сидит в шлюпке абсолютно голый. Он дрогнул под взглядом капитана, и синяя русалка, выколотая на его груди, нырнула подмышку.

— Ладно, раздевайтесь хлопцы, — сказал капитан. — Мы еще не едали воблы на отдаленных берегах.

Шлюпка пристала к берегу. Тут же к нам подскочили Хренов и Семенов и выдали каждому по кружке пива и по хорошей вобле. Славно проявленная, она пахла солью и свободой.

— Пиво в тень! — приказал капитан. — Вначале войдем в неведомое сооружение. Все по порядку.

Мы прикрыли свои кружки воблой и поставили в тень, а рачи-

тельный Пахомыч накрыл все это дело лопушкой.

На ближайшем неведомом сооружении висела вывеска:

Воронцовские бани

— Что за оказия? — удивился Суер. — Воронцовские бани в Москве, как раз у Ново-Спаского монастыря.

— И здесь тоже, сэр! — вскричал Хренов. — Здесь и Семеновские есты! — добавил Семенов. — А в Москве Семеновские ликвидировали!

И мы ворвались в предбанник, а оттуда прямо в парилку.

Весь день мы парились и мылись, скакали за пиво и прятали его под лопушки, и доставали, доставали, поверьте, из лопушков и обглаживали воблю голову и прыгали в океан. Пахомыч до того напарился, что смыл почти все свои татуировки, кроме, конечно, надписи «Помни заветы матери». А надпись «Нет в жизни счастья» он смыл бесповоротно. Счастье было! Вот оно было! Прямо перед нами!

В этот день мы побывали в Тетеринских, Можайских, Богородских, Донских, Дангауровских, Хлебниковских, Оружейных, Кадашевских банях и, конечно, в Сандунах. Оказалось, что на острове имеются все московские бани.

— Откуда такое богатство? — удивлялся Суер.

— Эмигранты повывезли, — ответствовали островитяне.

К вечеру на берегу запылали костры и, раскочившись в лад, островитяне запели песню.

— Бежим! — шепнул мне вдруг капитан. — Бежим, иначе нам не открыть больше ни одного острова. Мы здесь погибнем. Лучше ходить немелым, чем прокиснуть в глубоком наслаждении.

И мы растолкали наших спящих сопарильщиков, кое-как приделали их, затолкали в шлюпку и покинули остров неподдельного счастья, о чем впоследствии множество раз сожалели.

Мудрость капитана

Только уж ночью, подплывая к «Лавру», мы обнаружили, что, кроме мичмана, прихватили с собой случайно еще одного Хренова Ложного.

Это Пахомыч расстарался в темноте.

— Не понимаю, старпом, — досадовал Суер. — На кой хрен нам на «Лавре» два Хренова? Я и одним сыт по горло.

— Не знаю, кэп, — оправдывался Пахомыч. — Орут все «Хренов, Хренов», ну я и перепутал, прихватил лишнего.

— А лишнего Семенова вы не прихватили?

— Надо пересчитаться, — растерянно отвечал старпом.

Стали считать Семеновых, которых, слава Богу, оказалось один.

— А вдруг это не наш Семенов? — тревожился капитан. — Потрясите его.

Мы потрясли подозреваемого. Он мычал и хватался за какие-то пассатижи.

— Наш, — успокоился капитан.

— Что же делать с лишним Хреновым, сэр? — спрашивал старпом.

— Прикажете выбросить?

— Очень уж негуманно, — морщился Суер. — Здесь полно акул. К тому же неизвестно, какой Хренов лучше: наш или ложный?

Оба Хренова сидели на банке, тесно прижавшись друг к другу.

Они посинели и дрожали, а наш посинел особенно.

Мне стало жалко Хренова и я сказал:

— Оставим обоих, кэп. Вон они какие синенькие.

— Ну, нет, — ответил Суер. — «Лавр Георгиевич» этого не потерпит.

— Тогда возьмем того, что посинел сильнее.

Наш Хренов приободрился, а ложный напрягся и вдруг посинел сильнее нашего. Тут и наш Хренов стал синеть изо всех сил, но ложного не пересинил.

Это неожиданно понравилось капитану.

— Зачем нам такой синий Хренов? — рассуждал он. — Нам хватит и нашего, слабосиного.

— Капитан! — взмолился ложный Хренов. — Пожалейте меня! Возьмите на борт. Хотите я покраснею?

— А позеленеть можете?

— Могу, что угодно: краснеть, синеть, зеленеть, желтеть, белеть, сереть и чернеть.

— Ну тогда ты, парень, не пропадешь, — сказал капитан и одним махом выкинул за борт неправильного Хренова.

И ложный Хренов действительно не пропал. Как только к нему приближались акулы, он то синел морской волной, то зеленел, будто островок водорослей, то краснел, как тряпочка, выброшенная за борт.